

УДК 168

ДИСКУССИИ О НАУКЕ НА XXIII МИРОВОМ ФИЛОСОФСКОМ КОНГРЕССЕ

С.Б. Бондаренко

Дан обзор дискуссии о науке на XXIII Мировом философском конгрессе (Афины, Греция, 2013 г.). Для удобства изложения выделены пять тем: особенности современной науки, методология науки, научная картина мира, роль науки в современном обществе, этика науки.

Ключевые слова: наука, философия, методология, логика, картина мира, глобализация, экология, этика

4–10 августа 2013 г. в Афинах (Греция) прошел XXIII Мировой философский конгресс «Философия как познание и образ жизни», на котором около 3 тыс. участников обсуждали разнообразные научные и практические проблемы современности. На наш взгляд, материалы конгресса представляют интерес для ученых, политиков, экономистов, экологов, педагогов, юристов, государственных служащих, журналистов, военных, общественности, поэтому их популяризация видится полезной. Большое внимание было уделено науке. В целях удобства изложения выделим пять тем: «Особенности современной науки», «Методология науки», «Научная картина мира», «Роль науки в современном обществе», «Этика науки».

Особенности современной науки

Одна из важнейших особенностей развития современных наук – усиление их взаимосвязи, интеграция, интердисциплинарность. И.Р. Чо (Южная Корея) обосновывает коэволюционную модель научных изменений, согласно которой развитие наук происходит во взаимозависимости и взаимосотнесенности (р. 117^{*}). Б. Чендов (Болгария) отмечает, что

---

^{*} Здесь и далее даются ссылки на сборник тезисов докладов «XXIII World Congress of Philosophy: Abstracts». – Athens: University of Athens, 2013.

наряду с развитием исследований в области математики, физики, химии, биологии появились многочисленные междисциплинарные исследования, объединяющие различные разделы основных наук (р. 114). Необходимость междисциплинарного подхода к научному решению ряда сложных проблем подчеркивает российский философ И. Касавин (р. 328). По мнению О. Рапташ (Украина), интеграция наук усиливается и порождает новые формы междисциплинарных исследований: транс- и кросс-дисциплинаризм (р. 620). В. Данилова (Россия) считает необходимым для построения современной модели нообиосферы применение междисциплинарных методов исследования, а именно, сочетание методов физики, химии, биологии, социологии и т.д. (р. 140). М. Михайлов, Е. Ней и П. Биркенбиль (Германия) указывают на существование двух противоположных тенденций в современной науке: интеграции и дифференциации (р. 464-465). Л.Д. Ха (Вьетнам) рассматривает современную культуру как необходимое условие, как «поддерживающую платформу» для устойчивого развития общества и его экономики (р. 269).

Российский философ В. Горохов обосновывает вывод о необходимости развития техники и технологии на базе научного знания и научной методологии на примере Г. Галилея (р. 248). Об углублении и расширении взаимосвязи науки и техники в современных условиях речь идет в докладе Ж. Абдильдина (Казахстан, р. 7). В. Мельник (Украина) отмечает внутреннее единство технических наук, их интеграцию и систематизацию (р. 458). И. Алексеев (Россия) обращает внимание на положительное значение процесса математизации научного знания и подчеркнул, что математические методы позволяют получать точные описания и предсказания (р. 21). В. Заволотный (Россия) предлагает математизировать философию (р. 803). Я. Яскевич (Белоруссия) отмечает стремительное развитие нанотехнологий и их революционизирующее воздействие на все сферы жизни общества: экономику, политику, мораль, науку, образование (р. 789).

Е.А. Лекка-Ковалик (Польша) выделяет такие отличительные черты современной науки, как практическая направленность, трансдисциплинаризм, специализация, самопознание, продуктивность, коммодифицированность, коэволюционизм, организационная автономность и собственные моральные нормы (р. 391). Ф. Коллин (Дания) отмечает коммодифицированность современной науки и высшего образования (р. 125). Колумбийский философ М. Фернандес Пинто существенными чертами современной науки считает ее социальную организацию и коммерциализацию (р. 203). По мнению российского философа В. Карповича, разви-

тие науки раскрывается в прогрессивном дискурсе и зависит от множества социальных норм и регулятивных принципов (р. 327). Греческие философы Х. Деметракакис (р. 155) и Д. Килакос (р. 341) подчеркивают важное значение практики для развития науки.

Многие философы указывают на ограниченность познавательных возможностей современной науки. А. Ривера Новая (Колумбия) отдает предпочтение умеренному контекстуальному гносеологическому релятивизму (р. 611). Д.Розтти (Аргентина) утверждает, что нет каких-то определенных границ между наукой, философией, риторикой, личным мнением и даже софистикой (р. 613). Х. Мантгавинос (Греция) предлагает изучать разнообразные объяснительные игры и их правила в соответствующих организациях: церквях, университетах, научных сообществах и т.д. (р. 434). Индийский философ С. Десай защищает идею синтеза науки, философии и религии (р. 159). В. Дружинин (Россия) предложил осуществить грандиозный синтез всех видов знания: научных, религиозных, мифологических, мистических, художественных (р. 175). Х. Фараджи и М. Мусави (Иран) полагают, что решение научных проблем – это всегда разработка гипотез, которые в современном обществе имеют наибольший кредит доверия по сравнению с другими видами познания (р. 198).

С. Чели и Л. Гиос (Италия) защищают доктрину культуроцентризма и утверждают, что каждая культура имеет свои особые стандарты и образцы понимания (р. 111). В. Дианова (Россия) отмечает неразрывную связь мировоззрения с системой культуры. Фундаментальные категории: пространство, время, случайность, необходимость, человек, общество, свобода и др. – имеют всеобщее и специфическое содержание, привнесенное исторически конкретными формами культуры (р. 161). Н. Буковская (Россия) выделила две основные модели коммуникации науки и политики: субординацию и диалог. При этом отмечена тенденция сайентификации политики (р. 90).

И. Иванова (Кыргызстан) считает, что современная постнеклассическая рациональность приводит науку к отказу от основных принципов рациональности и логического мышления (р. 299). По мнению В. Плохотняк (Россия), ограниченность научных понятий и теорий породила феномен «посттеоретического мышления» и создала постмодернистскую ситуацию в современной культуре, в которой миф выступает формой целостного мировосприятия и средством защиты человеческого разума от деградации (р. 568). Л. Демина (Россия) утверждает, что аргументы и доказательства зависят от социальных условий и форм рацио-

нальности; аргументы должны иметь практическое значение, которое проявляется в способности убеждать людей (р. 156). Л.Д. Маззей (Бразилия) выделяет в современной науке два взаимосвязанных вида рациональности: сильную рациональность в математике и слабую в философии (р. 453). Г. Гуо, Ж. Гуо (Китай, р. 264) и Х. Палма (Аргентина, р. 537) отмечают положительное значение метафор в науке. Ж. Жанг (Китай) исходя из философских рассуждений Деррида делает вывод о невозможности познать реальность с помощью понятий и теорий (р. 809). С. Любимов (Россия) подчеркивает, что идолы культуры, религии, политики, экономики контролируют жизнь человека и общества. Борьба с идолами и предрассудками велась в истории разными средствами, но они выжили (р. 420).

Значительное число участников конгресса из Китая, США, России, Украины, Бразилии и других стран развивали идеи марксизма.

Методология науки

Большое внимание уделялось на конгрессе методологическим принципам. Не прекращаются споры о принципе причинности. Ш. Сиривардена (Великобритания) ссылается на новые работы по проблеме причинности (Maslen, Menzies, Northcott, Schaffer). Британский философ анализирует две основные теории причинности – контрфактуальную и контекстуально-релятивистскую, сторонники которых критикуют друг друга (р. 679). Т. Бонк (Германия) обосновывает критерий простоты как число свободных параметров системы и выделяет несколько степеней простоты. Он отмечает положительную роль принципа простоты в науке (р. 79–80). И. Фролова (Россия) подчеркивает важную роль принципа дополненности Н. Бора для физики и обосновывает необходимость применения принципа дополненности в общественных науках: социологии, политологии и т.д. (р. 214). П. Хадзидеки (Греция), отметил важное значение принципа дополненности Н. Бора для квантовой механики и современной физики, обосновывает положительное общеметодологическое значение принципа дополненности, в том числе в гуманитарных науках (р. 268). В. Окладной (Россия) рассматривает принцип конструктивной критики как необходимое требование научной методологии: этот принцип выполняет в науке и позитивные, и негативные функции (р. 522). Испанский философ А. Хименес Перона подчеркивает фундаментальную ценность критики и скептицизма для любой интеллектуальной деятельности (р. 305). Ш. Бхаве (Индия) анали-

зирует дискуссии о принципе опытной проверяемости в истории индийской философии и науки (р. 70). Греческий философ Д. Рафтопоулос рассмотрел соотношение теории и опыта в свете знаменитой аллегии Платона о пещере. Он показывает, каким образом перцептуальный мир человека описывается в терминах абстрактного геометризованного мира физики с учетом копенгагенской интерпретации квантовой механики (р. 594). Д. Петерс (ЮАР) основным критерием признания научной теории считает ее эмпирическое обоснование (р. 561). Е. Агошкова (Россия) выделяет комплекс фундаментальных принципов методологии: принципы системности, достаточного основания, ограниченности области применимости, концептуальной определенности и др. (р. 14).

Участники конгресса обсуждали и проблему метода науки. С. Халилов (Азербайджан) делает вывод, что метод проб и ошибок стал одним из ведущих в современной науке (р. 338). Польский философ А. Котерский обращает внимание на широкое применение методов индукции в научном познании (р. 363). Многие философы отмечают положительную роль формальной логики в науке. О. Нестерова (Россия) подчеркивает определяющее значение логики в научных рассуждениях и моделировании (р. 502).

Чилийский философ А. Рамирес-Фигерон отстаивает антипсихологическое понимание логики, ее правил и форм (р. 599). В. Целищев (Россия) отмечает значимость логического принципа рекурсивности в математике (р. 733). П. Гаравасо и Н. Вассалло (США) анализируют дилемму «психологизм – антипсихологизм» в логике, для того чтобы совершенствовать применение естественных и символических языков в познании (р. 225). А. Москаритоло (Венесуэла) полагает, что смысл и значение логических выражений раскрываются в лингвистической практике (р. 484). Ж. Жоу (Китай) поддерживает идею о двух видах необходимости: метафизической и логической (р. 812).

К. Николсон (США) отмечает растущее влияние понятия парадигмы Т. Куна на современную философию (р. 509). К. Бревини (Италия, р. 85) и А. Леманска (Польша, р. 392) подчеркивают, что математические истины существуют. А. Леманска указывает на факт множества методов доказательства в математике. В. Перминов (Россия) считает, что в науке есть первичные и вторичные концептуальные системы. Математика – это вторичная концептуальная система по отношению к физике (р. 559). А. Липкин (Россия) выделяет отрасли физики (классическая и квантовая механика, электродинамика и т.д.), отметил, что в основаниях отраслей физики лежат первичные или вторичные идеальные объекты, с которыми связаны системы постулатов физической теории (р. 408).

Д. Портидес (Кипр) подчеркивает, что не все идеальные объекты науки репрезентируют познаваемую реальность и поэтому необходимо отбирать подлинные модели с помощью совокупности средств, которая формируется в процессе философского осмысления научной практики (р. 576). И. Нарита (Румыния) утверждает, что не все понятия отображают реальные прообразы (аналоги) и критикует онтологический аргумент Ансельма Кентерберийского, который не может служить достаточным основанием для признания существования Бога (р. 498). М. Ринг (США) рассматривает науку как концептуальное основание человеческого мышления и практической деятельности (р. 610). Н. Китакура (Япония) делает вывод, что для установления истины нужна особая процедура обоснования (р. 345). Я. Мрозек (Польша) на примере процедуры математического доказательства показывает определяющее значение специализированного научного сообщества в установлении истины (р. 487).

К. Янакиев (Болгария) отметил, что для установления истины нужны не только эксперименты, но и понятия, модели, теории, формулы (р. 785). С. Бондаренко (Россия) разрабатывает неосциентистскую модель научного доказательства. Раскрываются структура доказательства и функции элементов доказательства, сформулированы основные признаки научной доказательности (р. 79).

Т. Лорд (США) подчеркивает, что народная психология не может служить основанием исторического познания и научной методологии (р. 418). Т. Лешкевич (Россия) полагает, что методология трансформируется под воздействием синергетики и ее понятий (аттрактор, фрактал и др.) (р. 395). Д. Ан и Х. Жэнг (Китай) обращают внимание на контекстуальный аспект научного объяснения (р. 25–26). З. Саидова (Россия) защищает постмодернистскую концепцию истины, которая преодолевает догматическое понимание истины, и рассматривает истину как диалог множества смыслов и интерпретаций (р. 625).

Научная картина мира

Дискуссии о научной картине мира выявили ряд подходов к ее основному содержанию. Онтологи-традиционалисты использовали широко известные западные онтологические учения (Платон, Аристотель, Декарт, Спиноза, Лейбниц, Гегель, Маркс, Гартман и др.) для формирования основного содержания научной картины мира. Китайский философ Г. Чен исходит из метафизики Аристотеля и разделяет представле-

ние об иерархичности Вселенной (р. 112). К. Гоудели (Греция) придерживается модели Лейбница (р. 249). К. Вьёрянен (Финляндия), опираясь на идеи Гегеля и Гартмана, представил мир в виде сфер, разделенных модальными полями на иерархические уровни (р. 750). Испанский философ С. Альварес Толедо развивает идеи неогегельянца Мак-Таггарта о природе времени: не существует прошлых, настоящих и будущих событий, а есть отношения «до» и «после». Такое понимание времени означает признание фатализма (р. 24). Я. Накаяма (Япония) считает целесообразным применять статическую и динамическую концепции времени в описании Вселенной (р. 497).

В. Дубровский (Россия) утверждает, что существуют фундаментальные законы бытия: единственность и уникальность оснований бытия, активность и самодвижение оснований бытия, скачкообразный характер изменений, иерархия уровней самоорганизации (р. 177). Н. Солдухо (Россия) изображает мир как ситуационную модель, в которой системные уровни самоорганизующейся материи со своими законами бесконечно сменяют друг друга (р. 688). Д. Щербаков (Россия) интерпретирует бытие в диалектическом единстве прошлого, настоящего и будущего (р. 661). Р. Халилов (Азербайджан) представляет мир в виде гармоничной самоорганизующейся материальной системы (р. 338). Болгарский философ С. Черджиков утверждает, что в мире все относительно, а сама относительность может быть действительной и виртуальной (р. 234). Х. дель Валь (Испания) указывает на процессуальность бытия, его вечное становление и изменение, самотворение и самоуничтожение (р. 151). Мексиканский онтолог К. Ордонес природу бытия интерпретирует с помощью категорий «изменение», «время», «отношение», «тотальность», «взаимодействие», «возможность», «материя», «самодвижение» и т.д. (р. 527). А. Эскудеро (Испания, р. 192), Е. Мамчур (Россия, р. 430), Е. Григориу (Греция, р. 253–254), С. Тиннинг (Италия, р. 725) и др. пропагандируют метафизику Хайдеггера.

Онтологи-модернисты выдвигают проекты синтеза философской онтологии с естествознанием. И. Лисеев (Россия) предлагает в современную научную картину мира включить онтологию, методологию, аксиологию, праксиологию, биологию и т.д. (р. 408). В. Зима (Россия) считает, что для понимания природы времени необходим универсальный интердисциплинаризм, способный соединить науку и метафизику (р. 814). Н. Даниелян (Россия) поддерживает идею общего интердисциплинаризма, необходимого для построения научной картины мира, в центре которой находится творческая человеческая личность (р. 138–139).

Сторонники физикализма при построении научной картины мира исходят либо из теории относительности, либо из квантовой механики. Польский философ Я. Церниавеки в основу картины мира положил пространственно-временные модели общей теории относительности (р. 133). Колумбийский философ Э. Куэто Куинтеро отдает предпочтение общей суперсимметричной теории гравитации (р. 131–132). Н. Кожевников (Россия) указывает на первичность физических понятий вакуума, инерциальной системы, динамического равновесия, самоорганизации (р. 365–366). А. Дакин (Россия) предполагает, что из энергии вакуума в результате Большого взрыва рождается системно организованная материя, которая в процессе эволюции порождает новый Большой взрыв, и т.д. (р. 138). Л. Минасян (Россия) рассматривает мир как самоорганизующийся космологический вакуум, порождающий жизнь и разумного человека (р. 468). Ж.-Е. Хе (Китай) в качестве первичной субстанции выделяет квантовый вакуум (р. 277–278). А. Невелев (Россия) делает акцент на активности энергии (р. 504–505). В. Сазонов (Россия) первоисточником эволюции Вселенной считает скрытую энергию, которая содержится в потенциальном состоянии и реализуется в процессе роста уровня самоорганизующихся форм материи (р. 640).

В XXI в. разработчики физической космологии объединились в единое сообщество, издают свои журналы и проводят свои форумы. Израильский философ И. Шимони подверг резкой критике спекуляции физической космологии (р. 665).

Роль науки в современном обществе

Десятки докладов и выступлений на пленарных заседаниях, секциях, круглых столах, сессиях были посвящены глобализации. Участники дискуссий обратили внимание на опасный характер глобализации. Д. Бобряк (Франция) полагает, что электронные технологии позволяют управлять сознанием и поведением людей (р. 76). Б. Юдин (Россия) отметил, что применение современных технологий изменяет тело и сознание человека, ставит сложные этические проблемы (р. 795). Г. Була (Колумбия) утверждает, что коммуникативные технологии трансформируют человека (р. 91). И. Понизовкина (Россия) обращает внимание на мифологизацию современного массового сознания с помощью особых трансформирующих технологий (р. 573).

Многие участники дискуссий говорили о необходимости усиливать переговорные процессы, повышать эффективность диалога. Г. Раупэч-

Стрей (Германия) предлагает улучшать содержание диалога с помощью научных аргументов (р. 602–603). А. Чумаков (Россия) подчеркивает, что следует оперативно реагировать на сложные проблемы глобализации и стремиться решать их путем повышения эффективности диалога (р. 120). Ф. Агуа (Филиппины, р. 14). А. Аспрадаки (Греция, р. 40) и др. поддерживают идею демократического диалога как средства обучения и решения практических задач. В. Торосян (Россия) призывает вернуться к высоким моральным идеалам эпохи европейского Просвещения и попытаться реализовать проект общественного развития просветителей (р. 727).

Многие докладчики обосновывали тезис о необходимости изменения характера глобализации и стремления к реализации идеала глобальной справедливости. Х. Барлибаев (Россия) отстаивает идею всемирного демократического управления глобальными процессами (р. 55). Чен Жэн (Китай) полагает, что целесообразно учредить легитимное и авторитетное мировое правительство (р. 809). Л. Хирн (Австрия) настаивает на гуманизации глобальных процессов и практической реализации новой этики гуманизма (р. 284). Ю. Каблак (Великобритания) предлагает разработать матрицу универсальных ценностей при активном участии ЮНЕСКО и Международной федерации философских обществ (р. 308). Ш. Кахарова (Узбекистан) подчеркнула первостепенное значение для преодоления глобального кризиса новой общечеловеческой системы ценностей и убеждений (р. 309). З. Клитон (Германия) считает, что для достижения глобальной справедливости нужно совершенствовать нормативную базу и расширять возможности управления (р. 124). Ю. Сан (Китай) и Ж. Сан (США) подчеркивают, что развитие западной науки и техники вызывает культурный поворот в Китае и других странах. Поэтому нужны новые философские идеи и новая мораль глобализации (р. 706). Шведский ученый Г. Коллстс настаивает на строгом соблюдении международных правовых норм, воплощающих в себе демократический идеал глобальной справедливости (р. 125). Г. Широкалова (Россия) отмечает, что достижение справедливости возможно в условиях секулярной политики государства (р. 666). Я. Бабински (Польша) считает, что социально-экономическое развитие современного общества приведет к тотальной иррелигиозности (р. 45). Российские философы В. Ильичев (р. 294) и З. Иванова (р. 299–300) защищают необходимость научного управления развитием экономики, промышленности, городов, биосферы. В. Диев (Россия) подчеркивает, что в условиях неопределенности и риска наука нужна для принятия решений (р. 164). Ж. Смаж (Чехия) считает, что изменить ход глобализации можно только с помощью научных ар-

гументов (р. 682). Японский философ Б. Далглиеш предлагает повысить эффективность научной критики процессов глобализации, с тем чтобы изменились взаимоотношения науки и власти (р. 138). Бразильский философ Ф. Кредер настаивает на активизации исследования проблем социальной и глобальной справедливости (р. 129). Й. Камишима (Япония, р. 316), Р. Райхан (Индия, р. 595) и др. поддерживают идеи американского философа и юриста Д. Ролза о социальной корпоративной ответственности, развитые в его известной работе «Теория справедливости».

Многие участники дискуссий говорили о необходимости формирования и практической реализации новой парадигмы развития человечества. П. Толпинруд (США) выдвигает предложение о практическом воплощении идеала социальной справедливости посредством реализации новой научной парадигмы развития человечества, которая даст возможность защитить нашу планету от разрушительного воздействия цивилизации и выступит гарантом основных прав человека на жизнь и здоровье (р. 726). Е. Селик (Турция) рассматривает науку как важнейшее средство охраны окружающей среды (р. 105). Ф. Кафаро (США) считает, что основные задачи современной науки состоят в разработке новой парадигмы общественного развития, в результате реализации которой были бы созданы условия для роста экономики и эффективной охраны окружающей среды (р. 96). Греческий философ Е. Каввадия пропагандирует доктрину эгоцентризма (р. 333–334). Аргентинский философ Д. Дей защищает политику эгоцентризма и предлагает усилить экологическую ответственность (р. 150). Ш. Ли (Китай) защищает идею планомерного постепенного совершенствования цивилизации в целях охраны окружающей среды и создания безопасной глобальной экосистемы (р. 401–402). Израильский философ О. Эзра считает, что установление глобальной справедливости требует учета негативного воздействия каждой страны на окружающую среду (атмосферу, воду, леса и т.д.) (р. 195).

Многие участники конгресса отмечали определяющее влияние научных и технических достижений на среднее и высшее образование. Так, Л. Халаева (Россия) подчеркнула необходимость постоянной модернизации образования в глобальном мире высоких технологий (р. 337).

Этика науки

Б. Коскун (Турция) характеризует древнегреческого философа Сократа как этический образец жизни и деятельности (р. 127). К. Батлер (США) подчеркивает обязательность соблюдения прав человека в гло-

бальном масштабе, и в том числе прав человека на самовыражение и творчество (р. 94). А. Крейдер (США) считает, что социальное равенство возможно при учете интересов всех членов общества (р. 368). Э. Деменчонок (США) указал на то, что современное понимание прав человека формируется в процессе публичного интеллектуального диалога с участием всех заинтересованных сторон (р. 155). Р. Лусьер (США) полагает, что глобальная справедливость проявляется в требовании экологической ответственности человека (р. 420). Д.Р. Келлер (США) призывает ужесточить экологические требования к развитию экономики и этике хозяйственной деятельности (р. 335). Р. Атфильд (Великобритания) подчеркивает необходимость основывать этику геоинженерной деятельности на научных экологических знаниях (р. 41). Х. Стельзер (Германия) отмечает опасность климатической инженерии для состояния окружающей среды и здоровья людей, а также обосновывает целесообразность достижения общечеловеческой справедливости в аспекте реализации требований экологической этики (р. 698). Д. Ахола-Лаунонен (Финляндия) отстаивает целесообразность усиления личной ответственности в связи с развитием медико-биологических наук и особенно новых генетических технологий (р. 16). Р. Навнит (Индия) предлагает проводить глобальные, всесторонние обсуждения последствий внедрения биотехнологий, генетической инженерии, клонирования с участием юристов, ученых, политиков, общественности раньше, чем новые технологии станут социокультурной реальностью и получают широкое распространение в практике общественной жизни (р. 499).

М. Рахимова (Россия) защищает доктрину антропоцентризма в качестве критерия оценки внедрения новых биотехнологий (р. 595). А. Аспрадаки (Греция) пропагандирует базовые этические принципы совещательной демократии, уважения к личности, научной дискуссии, общественного диалога (р. 40). Итальянский философ А. Фарина считает необходимым соблюдать принцип единства свободы и ответственности личности (р. 199). Д. Веир (США) утверждает, что научное осмысление разнообразных фактов приводит к выводу об адекватности морального и этического плюрализма (р. 773–774). Французский философ Б. Ребер выдвигает тезис о необходимости интердисциплинарного научного обоснования этических теорий и моральных аргументов (р. 603).

Среди участников конгресса были сторонники доктрины пацифизма Б. Болин (США, р. 77), К. Грэй (Азербайджан, р. 251) и др.

Изучение материалов XXIII Мирового философского конгресса неизбежно приводит к выводам о его актуальности и практической значи-

мости. Все участники конгресса попытались внести свой вклад в решение судьбоносных проблем человечества, и подавляющее большинство оценивали науку как единственное эффективное средство для решения глобальных проблем, включая такие, как борьба с терроризмом и другими опасными социальными феноменами.

Дата поступления 24.12.2013

Курский филиал Российского
государственного торгово-экономического
университета, г. Курск
bondsb@rambler.ru

Bondarenko, S.B. Discussions on Science at the World Congress of Philosophy

The paper presents the review of discussions on science at the World Congress of Philosophy in Athens, Greece, 2013. Five themes are covered: features of modern science, methodology of science, scientific picture of the world, the role of science in the modern society, ethics of science.

Keywords: science, philosophy, methodology, logic, picture of the world, globalization, ecology, ethics